

С. К. ЦАТУРОВА

О ПОЛЬЗЕ ПРЕЗЕНТИЗМА, ИЛИ КАК ИЗУЧАТЬ ИСТОКИ НАЦИОНАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В ОЖИДАНИИ ЕГО ОТМИРАНИЯ

Статья посвящена анализу обновления политической истории в медиевистике, под воздействием эпистемологического кризиса рубежа XX–XXI вв. Назревшая необходимость системного и междисциплинарного подхода наиболее эффективно реализуется в сфере изучения истории форм власти и построения государства. Одним из перспективных способов по-новому изучать истоки формирования в Средние века государства современного типа является презентизм. Он оправдан феноменом государства как явления «большой длительности», а также природой политической истории как опоры гражданского общества и национальной исторической памяти. Особое внимание в статье обращено на сложную взаимосвязь власти и общества в качестве нового подхода к изучению исторических форм властвования.

Ключевые слова: *презентизм, национальное государство, новая политическая история, власть и общество*

Историческая наука прошла за последние сто лет через ряд кардинальных преобразований¹. Кризис в «позитивистском» восприятии общественных структур и «генерализирующей истории» позволил внести коррективы в понимание взаимодействия разных сторон функционирования общества. Решающий вклад школы «Анналов» в новое сопряжение духовного мира человека и социальных структур («духовное в материальном, материальное в духовном») обозначил уход от бинарной оппозиции материи и духа и их иерархии. Отказ от «большого нарратива» привлёк внимание к значению отдельных казусов, к микроистории социальных групп, корпораций, индивидов. Наконец, «лингвистический поворот» заставил учёных задуматься над используемой ими терминологией и включил исследователя, его мыслительный инструментарий, в ткань исторического исследования. Сам труд историка, а не его научные результаты, стал объектом изучения. В исторических текстах видится не столько отражаемая ими реальность прошлого, сколько интерпретация, способ мышления и высказывания. В результате историк воспринимается как «интерпретатор интерпретаторов», который постоянно переписывает историю и генерирует новый дискурс о прошлом².

Историкам рекомендуется избегать использования терминологии, чуждой изучаемой эпохе. В этой сфере кризис интерпретаций породил споры о смысловом наполнении используемых терминов в духе немец-

---

¹ Из новейших работ на эту тему см.: Ассман 2017.

² См. об этом: Копосов 2001.

кой школы «истории понятий» (Begriffsgeschichte)³. Негативным следствием этого плодотворного направления в исторической науке стало модное отрицание традиционных для инструментария историка терминов, как не адекватных конкретным данным исторических источников. При этом нередко отсутствие слова выдаётся за отсутствие самого явления. В результате, в отечественной медиевистике отрицанию подвергаются такие базовые понятия, как «феодализм», «государство», «сословия», «сословно-представительные органы», «чиновники» и т.д.⁴ Эти крайние позиции показывают игнорирование фундаментального принципа мышления – расхождение по времени между самим явлением и его осмыслением и, как следствие, вербализацией⁵.

Крайности такого подхода, отрицая возможность описать научным языком историческую реальность, заводят труд историка в тупик. Термины как «суммарные эмпирические понятия», согласно И. Канту, никак не могут быть с точностью определены, но только лишь объяснены. По самой своей природе исторические термины «ложны» и расплывчаты, поскольку сам их предмет подвижен. Как справедливо отметил Поль Вен, книгу по истории «нужно рассматривать как поле битвы между постоянно меняющейся истиной и постоянно анахронистичными понятиями»⁶. В этом плане, анахронизмы в исторических исследованиях были всегда, и они неизбежны, а используемые историком термины, скорее, раскрывают избранный автором подход в анализе прошлого.

Темпоральность Нового времени начиная с XVII в. была устремлена в будущее и основывалась на эволюционной модели познания, что послужило источником научного оптимизма историков, которые искали в прошлом истоки настоящего, сознательно уходя от «праздного любопытства» антиквариев⁷. Кризис «темпорального режима Модерна», выразившийся в противопоставлении «пространства опыта» и «горизонта ожидания», привёл к кардинальному разрыву между прошлым и будущим. Крах теории модернизации вызвал острый пессимизм историков,

---

³ Знаковым событием в этом контексте стал выход в России фундаментального труда: *Словарь основных исторических понятий...* 2014.

⁴ Споры о термине «феодализм» см.: *Феодализм...* 2008; сомнения в существовании государства ранее XVIII в.: *Каменский* 2013. С. 104-132; отрицание термина «чиновники» применительно к государственным служащим французской монархии, ставшим в раннее Новое время владельцами должностей: *Малов* 2009. С. 42-43. О спорности термина «сословно-представительные учреждения»: *Бойцов* 2014.

⁵ Об этой позиции и ошибочности «войны с терминами» см.: *Хачатурян* 2007.

⁶ *Вен* 2003. С. 160-171.

⁷ Так, например, Г. Дюкудрей, автор ставшего классическим труда по истории Парижского парламента, в предисловии признавался, что постоянно задавал себе вопрос, не двигает ли им «эрудитское любопытство», и успокаивался, лишь убеждаясь, что этот институт французской монархии пережил её и сохранил своё значение в настоящем, став основой нынешних органов власти (*Ducoudray* 1902. P. VII).

неуверенность в будущем и отход от поисков его истоков в прошлом⁸. Как следствие, историки стараются всячески избегать любого намёка на идею прогресса и «телеологию», подчёркивая относительность, историчность всего и вся – от институтов до ценностей, что проявляется и в новом отношении к Средневековью как абсолютно чуждому, другому миру, который необходимо реконструировать с помощью проникновения в ментальные структуры данного социума и в духовный мир конкретного человека⁹. Как образно выразился Ж. Ле Гофф, «общества прошлого нужно ловить их собственными сетями»¹⁰.

Осознание релятивизма ценностей и включение исследователя с его взглядами и структурой сознания в ткань научной работы привело к усилению «великой драмы историка» (Л. Февр) – признанию относительности добытой им исторической истины. Это, с одной стороны, породило некоторый эскапизм историков, культ обособленной учёной касты, живущей в отрыве от преходящих запросов дня и изучающей историю ради самой истории. Но такой подход вне актуальных запросов общества грозит историкам маргинализацией, не говоря уже об угрозе остаться без «заказчика», финансирующего их труд¹¹. С другой стороны, культ разрыва между прошлым и будущим поставил историка перед выбором между двумя диаметрально противоположными способами интерпретации источников: смотреть либо «изнутри» данного исторического общества, либо извне, из сегодняшнего дня. Этот выбор трактуется как столкновение между «понимать или объяснять», «вчитывать или вычитывать», – «и вместе им не сойтись». «Я» историка и «другой» источника предстают как столкновение двух несовместимых дискурсов.

Но так ли это? Может ли историк, даже обладающий основательными знаниями и воображением, погрузиться целиком в мир далёкого прошлого, забыть знание о последующих событиях и явлениях, освободиться от себя нынешнего? Такая объективность возможна только в тех науках, где исследователь не вовлечён в исследование как личность. Кроме того, природа человека, способы его мышления и реакций обладают определёнными свойствами, не зависящими от конкретных исторических обстоятельств. Именно это даёт историку саму возможность анализировать прошлое. Поэтому выбор ракурса исследования между «изнутри или извне» кажется мне ложным.

Одним из наиболее адекватных выходов из современного кризиса в исторической науке мне видится направление, несколько иронично именуемое «презентизмом». Презентизм как новый режим исторично-

---

⁸ О нынешнем «кризисе оптимизма» см.: Копосов 2005; Chartier 1998; Guerreau 2001.

⁹ Об этом повороте в историографии см.: Бессмертный 2003.

¹⁰ Ле Гофф 2000. С. 34.

¹¹ На эту тенденцию в сообществе историков, замыкающихся в «академическом гетто», и её негативные последствия справедливо указал А. Про (Про 2000. С. 300-318).

сти и методология не стесняется провозглашать, что интерес историков к прошлому диктуется запросами нынешнего общества. Это направление на новом витке и с обновлённым багажом возвращает нас к традициям поиска истоков современности в истории, хотя излишне педалирует приоритет исторической памяти как ориентира в прошлом. Ряд историков принципиально возражает против императива «мест памяти» при выборе объектов исторических исследований и настаивает на сущностном противостоянии истории и памяти. Но здесь присутствует и вполне рациональное понимание того, что человек немислим без памяти, а она нуждается в опорах в виде документов, исторических книг и памятников. При этом нельзя помнить всё, а значит отбор того, что заслуживает памяти, неизбежен. Следовательно, история как научное знание априори предполагает отбор того, что в данный момент необходимо узнать, понять и запомнить. В результате, невольно реабилитируется «телеология» как неустранимый элемент исторического анализа, сочетающийся с альтернативной историей и «сослагательным наклоном». Историческое исследование ушло от описания прошлого, став изучением проблем, а выбор этих проблем тесно увязан с современными запросами.

Презентизм возвращает нас к оптимизму рубежа XIX–XX вв. в духе лозунга Б. Кроче «Всякая история должна быть современной»¹², и открыто признаёт относительность добытых историографией истин, считая это не грехом, а напротив – важной частью исторического знания. Отношение к политической заданности исторических трудов, определяемой позицией их авторов, сегодня отмечено более тонким подходом и вниманием к нюансам. Тем более что ангажированность политической повесткой дня характерна для всех периодов историописания, начиная с Античности. Включение самого исследователя в ткань его работы в ещё большей степени реабилитирует научную значимость подобной заданности интерпретационных моделей¹³. «Непредсказуемое прошлое» предстаёт имманентным свойством исторического знания.

Презентизм особенно плодотворен в области политической истории. Собственно, история как рефлексия о прошлом возникает, а затем как научное знание складывается вокруг политической составляющей в историческом развитии. Сначала это были деяния правителей, войны и гражданские потрясения, позднее – институты и структуры, наконец, социальные группы, люди и их сознание, но всегда именно политическая история задавала проблематику анализа прошлого и рамки исторической памяти. Эта область истории интересует всех и всегда, поскольку

---

¹² О преимуществах презентизма в области политической истории см.: Dufour 1994.

¹³ В анализе развития социальной истории во французской историографии второй половины XX в. П.Ю. Уваров справедливо обратил внимание на подспудные, нередко политически мотивированные интенции историков, определившие их подходы к истории Средневековья. См.: Уваров 2004. С. 23–70.

обращена к совести человека и формирует его гражданскую позицию¹⁴. Неслучайно поэтому именно политическая история, прежде всего, переписывается каждым новым поколением историков, и это правильно, поскольку моральные ценности и приоритеты общества меняются, и необходимо постоянно искать их опоры в прошлом. Усиление в наши дни политического фактора в жизни общества придаёт области политической истории особенную значимость. Наконец, политическая история по своей природе справедливо претендует на жанр «Большой Истории», где сходятся так или иначе все структуры исторического общества.

Устоявшееся мнение о намеренном отказе ведущей в историографии XX в. школы «Анналов» от политической истории не совсем точно. Разумеется, и ее отцы-основатели, и второе поколение при Ф. Броделе, и даже третье поколение Ж. Ле Гоффа и Ж. Дюби осуждали выхолощенную политическую историю как описательную, событийную, нетребовательную. Но именно они способствовали подлинному обновлению политической истории за счёт соединения её с экономическим и социальным компонентом, с областью сознания и ментальностей, с мифами, ритуалами и символикой. Показательно, что никто иной, как М. Блок написал книгу «Короли-чудотворцы», по достоинству оцененную во Франции только спустя десятилетия, а Ж. Ле Гофф признавал политическую историю «становым хребтом» исторического анализа¹⁵.

«Возвращение» политической истории в центр внимания медиевистов в конце XX – начале XXI в. ознаменовано усвоением достижений предшествующей историографии и характеризуется рядом существенных новаций. Прежде всего, вместо истории государства и его институтов историки обратились к власти в самом широком смысле – от методов властвования до центров принятия решений, от политических ритуалов и символики до высоких идей и массовых представлений. Национальное централизованное государство современного типа трактуется как форма организации власти, возникшая на Западе в позднее Средневековье в конкретных социально-исторических условиях и определяемая ими. А в силу структурообразующей роли политического фактора в функционировании средневекового общества проблематика истории власти и государственных институтов приобрела особенное значение¹⁶. Как следствие, сам процесс «государственного строительства» предста-

---

¹⁴ А. Дюфур определяет ее как «этико-политическую историю» (Dufour 1994. P. 318).

¹⁵ См.: Genet 1990. P. 7-9; Ле Гофф 2001.

¹⁶ Как отметила Н.А. Хачатурян, «политический фактор выступает в системе феодальных отношений в качестве неременного условия реализации феодальной собственности, составляющей основу феодализма, определяя, таким образом, специфику взаимодействия экономического фактора и общественно-политического развития» (Хачатурян 1989. С. 3). О трансформации природы монархической власти, от патримонической к публично-правовой см.: Хачатурян. 2008.

ёт мощным фактором развития всех сторон жизни общества, «мотором» кардинальной трансформации средневекового социума в социальной, идейно-политической и культурной сферах.

При таком подходе становится ясно, что политическая история по своей природе является междисциплинарной областью исторического знания и предполагает сопряжение в едином пространстве исследования разных аспектов жизни общества – права и структур, идей и верований, корпораций и людей, событий и их альтернатив. Она настоятельно возвращает нас к системному анализу и к «Большой Истории». О глубокой неавтономности современной политической истории убедительнее всего свидетельствует тот факт, что импульсы к её обновлению поначалу исходили от представителей других гуманитарных дисциплин – антропологов, социологов, правоведов, лингвистов. В результате весь гуманитарный учёный мир способствовал созданию обширного поля междисциплинарных исследований, направленных на изучение феномена власти и рождения национального государства.

Центральной задачей такого рода исследования становится формирование нового отношения к объекту анализа. Эта задача была в центре размышлений выдающегося французского социолога П. Бурдьё, который обращал внимание на необходимость для исследователя складывания государства «освободиться от его магии», довлеющей над мышлением современного человека, живущего в национальном государстве и сформированного им до такой степени, что он даже не подозревает, насколько его интерпретационные модели заданы этим обстоятельством. Как отмечал Бурдьё, прежде всего необходимо освободиться от исторически обусловленного, но позиционируемого как нечто универсальное, восприятия государства и его институтов. Таков, на взгляд Бурдьё, путь выхода из двойного кризиса в историографии конца XX в.: отказ от «ретроспективной иллюзии фатальной предопределённости (по выражению Р. Арона), выступающей как действие надличностных сил». С другой стороны, это возможность сопряжения людских намерений, интенций и идей с функционированием и развитием институтов власти.

В центре такого подхода лежит «отход от телеологического воззрения, основанного на ретроспективной иллюзии, представляющей становление французской монархии как «проект», последовательно реализованный королями». Бурдьё настаивал на главенствующей роли юристов и чиновников, «создающих государство, которое создаёт их». Они навязывают обществу свои интересы, выдавая их за нечто универсальное и за «общий интерес». Но действия этих юристов и чиновников не произвольны, они определяются спецификой самого бюрократического поля и конкретными историческими обстоятельствами. Таким образом, в обществе существуют объективные структуры, независимые от сознания и воли агентов, способные направлять их действия и формирующие

их представления. Таков путь преодоления одновременно объективистского и субъективистского подходов, через диалектическое соединение «структур и представлений» в концепции «пространства как поля сил, как совокупности объективных отношений сил, которые навязываются всем входящим в это поле и несводимым к намерениям индивидуальных агентов или же к их непосредственным «взаимодействиям»¹⁷.

Применение этого подхода помогло мне решить главную методологическую проблему при изучении истории складывания во Франции позднего Средневековья органов государственной власти: как соединить институты и людей, как выйти из заколдованного круга – «чиновник формирует институт», «сам чиновник формирует институт». Соединение институциональной истории с историей социальной и культурно-ментальной (по Веберу и Бурдьё) позволило выйти из «порочного круга» объяснения специфики института через сам же институт. Изучение властных элит как корпораций, бюрократического поля вместо Аппарата, различных по своей природе «капиталов» (политического, символического и др.), специфики габитуса чиновников – позволило в новом ракурсе увидеть становление монархической власти во Франции. С другой стороны, на процесс влияли неустранимость личного характера монархического правления, оформление публично-правовых основ власти, ставших рычагом для перетягивания на персону короля властных полномочий, центральное место права и судебной компоненты в королевских прерогативах на первом этапе, и как следствие, ведущая роль юристов и их интересов в процессе построения государства. Наконец, необходимо было включать в ткань исследования и события – эти «демоны прошлого» политической истории (по выражению Ле Гоффа), без которых не будет понятен исторический процесс. Ведь он был нелинейным, и постоянно появлялись альтернативы («точки бифуркации», по Илье Пригожину, в «неравновесных ситуациях»), «система» делала выбор, и надо было понять какой и почему¹⁸.

В современной французской историографии этот подход завоевал себе место не без проблем. Здесь связь труда историка с общественными настроениями выглядит особенно наглядной. История французского государства веками находилась в фокусе внимания идеологов и апологетов монархии, затем антиквариев XVII в. и, наконец, историков XIX в., создавших национальный миф о зарождении в Средние века институтов современного государства. В итоге французская монархия стала эталонным формированием сильного централизованного государства в Западной Европе. Даже терминология политической истории и построения западноевропейского государства на проверку оказывается формализованным

¹⁷ См. подробнее: Бурдьё 2016; 2007.

¹⁸ Цатурова 2012.

описанием именно французского варианта развития. Однако порождение многовековой и целенаправленной воли французов – государство воспринимается ныне как «безжизненное чудовище», источник бед общества, и у историков ищут ответ об истоках его становления¹⁹. С одной стороны, изучение средневековых истоков современного государства оправдывается самим фактом существования повсюду в Европе национальных государственных образований, и при всей самостоятельной ценности каждого этапа в его становлении эта перспектива «большой длительности» присутствует в подходах историков. Однако подспудно, к 1990-м гг. в этих подходах проступило ожидание грядущего отмирания национально-государственных образований («государств-наций») и усиления Европейского Союза как нового типа государства.

Об этой перспективе недвусмысленно заявлял один из руководителей грандиозного научно-исследовательского проекта, «Происхождение современного государства» (*Genèse de l'État moderne*) Ж.-Ф. Жене²⁰. Проект стартовал в 1984 г. под эгидой Национального центра научных исследований Франции (CNRS) и при финансовой поддержке Европейского научного фонда. Он длился несколько лет и объединил усилия учёных многих стран; были проведены десятки конференций и круглых столов, изданы их доклады и семитомная монография. Однако, в целом, приходится признать, что цели проекта не были достигнуты, и он закончился неудачей, как не сбываются надежды на усиление Европейского Союза в противовес национальным государствам²¹.

Сложность точного перевода на русский язык названия проекта (происхождение «современного государства» / «государства Нового времени» / «модерного государства» и т.п.), на мой взгляд, не случайна. Участники проекта хотели соединить Новое время с предшествующим периодом, протянуть нити к средневековому этапу в становлении национального государства, о чём свидетельствует избранный ими временной отрезок – XIII–XVII вв. И, хотя историки прослеживали средневековые истоки государства Нового времени, в конечном счете они ориентировались на модель нынешнего государства с его институтами, правом, прерогативами и сферой компетенции как на матрицу государства современного типа²². Здесь и была, на мой взгляд, заложена «мина» под

---

¹⁹ О французском государстве – одновременно «этalone и пугале» см.: Autrand, Barthélemy, Contamine 1991. P. 101-118.

²⁰ Genet 1990. P. 10.

²¹ Об этом см.: Кром 2016.

²² Авторы обзора французской историографии «новой политической истории Средневековья» справедливо акцентировали внимание на двусмысленности в названии проекта: идёт ли речь о государстве Нового времени или же о современном государстве, в котором мы сейчас живём, и, в итоге, пришли к тому, что следует исходить из параметров l'État actuel (Autrand, Barthélemy, Contamine 1991. P. 112).

сам научный проект: разрыв между Средневековьем и Новым временем, тем более – современностью, остаётся у большинства историков на Западе непреодолимым. Он опирается на глубокую идеологическую приверженность цезуре, ознаменованной Революцией 1789 г.: современное или гражданское общество мыслится как «общество без короля и без Бога». Слово «современное» здесь синонимично слову «светское» и оно отторгает средневековый этап, с его сакральной концепцией власти, в пользу принципов рационализма, профессионализма и государственного интереса, якобы чуждых монархиям даже позднего Средневековья. Эту тенденцию подверг резкой критике историк права Г. Дж. Берман: по его мнению, начиная с рубежа XVIII–XIX вв. все идеологии «вступили в заговор» с целью отрицать или игнорировать средневековые корни современных западных институтов, навязав тем самым фальшивую периодизацию истории Запада, скрывающую осевую переворот, связанный с «папской революцией» XI–XII вв. и центральной ролью церкви в становлении современного западного государства²³. По признанию французских историков, они уже с трудом преодолевают бесплодную дилемму «государство или церковь» и вынуждены констатировать сохранение религиозных по происхождению институтов, правовых норм, идеологием и церемоний вплоть до конца Старого порядка²⁴. Традиционная (начиная с XIX в.) концепция становления монархического государства через «победу над феодализмом и церковью» своими корнями уходит в период Возрождения с его пафосом обновления и, через полемику времен Религиозных войн и Реформации, в эпоху Просвещения и предреволюционной пропаганды во Франции с уничтожением Средневековья и отождествлением абсолютной власти монарха с деспотизмом²⁵.

Сохраняющийся глубокий идейный либерализм французских историков, приверженность «демократическим идеям» и настороженность в отношении государства сказываются на их восприятии новых подходов к изучению политической истории. В частности, с некоторым опозданием они обратились к изучению таких тем, как роль корпораций и корпоративных форм социальной жизни, политических церемоний и ритуалов, символических стратегий в методах властвования²⁶.

Отечественная историография, пройдя свой сложный путь к обновлению политической истории, оказалась более восприимчива к новым подходам²⁷. Созданная в 1992 г. в России исследовательская группа «Власть и общество» под руководством Н.А. Хачатурян способствовала институциональному оформлению направления политической истории

²³ Берман 1994. С. 56, 263-265.

²⁴ Gauvard, Boureau, Jacob, Miramon 2002. P. 462; Guéry 1996.

²⁵ Richet 1991. P. 403-410; Guenée 1964. P. 332; Ле Гофф 2001 С. 31-37; 410-413.

²⁶ Об идейных истоках этой тенденции и путях её преодоления см.: Цатурова 2016.

²⁷ См. подробнее: Хачатурян 2001.

в российской медиевистике. Синтезировав наработки западных коллег и опираясь на багаж отечественных историков, участники научной группы успешно реализовали системный подход к политической сфере: история власти и методов властвования, большая длительность построения государства, идеи-ритуалы-символизм, право и социальное измерение. Благодаря их усилиям реабилитированы были прежде подвергавшиеся остракизму темы: роль сеньориального и монаршего двора, значение харизмы правителя и сакральной природы власти, социальная функция придворных церемоний и политических ритуалов, связь массовых политических представлений с мифологией власти²⁸.

Заявленная в названии научной группы проблема представляется краеугольной для обновления сферы исследований политической истории. В этой связи хотелось бы обратить внимание на один из ее аспектов. Власть и общество – насколько они связаны друг с другом, как взаимодействуют, и кто из них, в конечном счёте, играет первую скрипку? Здесь стоит обратить внимание на двоякий смысл слова «государство». Оно подразумевает два разных явления: государство как страну с границами, народом и институтами, и государство как аппарат управления, противостоящий «управляемым», т.е. обществу. В последнем случае государство, как определённым образом организованная власть, находится в оппозиции к обществу. Но так ли они противостоят друг другу на самом деле? И не пришло ли время оба смысла – гражданское общество и аппарат управления – теснее увязать друг с другом?

Государство – одно из самых абстрактных понятий, не имеющих общепринятых определений. Трансформации форм государственной власти в современном обществе усилили релятивизм в её оценках. Из-за своей «нематериальной сущности» государство даже выдаётся за «воображаемое сообщество» или за «хорошо обоснованную иллюзию»²⁹. В известном смысле, это верно. В своей новаторской книге «Средневековые истоки современного государства» (1970) Дж. Стрейер писал об абстракции феномена государства без его поддержки и признания народом. «Государство существует только в сердцах и в умах граждан; и если они не верят в его существование, то никакая логика не вдохнёт в него жизнь»³⁰. Здесь ярко обозначены два важнейших фактора стабильности государства: опора власти на аффективные связи (любовь, доверие, сострадание и т.д.) и поддержка обществом власти как главная гарантия её легитимности. И пока власть отвечает чаяниям общества, которое готово ей подчиняться, государство будет существовать.

---

²⁸ Об этом направлении и его достижениях см. подробнее: Двор монарха в средневековой Европе 2001; Королевский двор в политической культуре средневековой Европы 2004; Священное тело короля 2006.

²⁹ Андерсон 2016.

³⁰ Strayer 1979. P. 15-16.

Знаменательно, что Бурдьё посвятил целую лекцию двум смыслам слова «государство» и настаивал на тупиковости господствующего во Франции противопоставления власти и общества. Он считал ошибочным «демократическое» представление о первенстве нации в создании государственного аппарата власти на основе делегирования полномочий, поскольку государство в лице заинтересованных агентов (прежде всего, юристов) в равной мере создаёт гражданское общество и нацию. «Это простое противопоставление государства и гражданского общества я бы хотел заменить, – говорил он, – представлением о некоем континууме, являющемся непрерывным распределением доступа к коллективным, публичным, материальным и символическим ресурсам, с которыми мы связываем само это слово – “государство”»³¹. В таком подходе конкретное государство предстаёт как творение воли и чаяний всех живущих в нём людей – как «управляющих», так и «управляемых». Все они действуют внутри конкретных исторических и культурно-ментальных параметров, определяющих их поступки и цели. Французский политолог Б. Бади так выразил идею тесной взаимосвязи власти и общества: французское средневековое государство было не столько воплощением рационализма, сколько рациональным ответом на сложное общество, где царили индивидуализм и феодальное сопротивление³².

Подход к проблеме взаимосвязи власти и общества, использованный мной в изучении складывания института государственной службы во Франции в XIII–XV вв., позволил сделать ряд важных наблюдений. Власть – это прежде всего люди, отправляющие конкретные управленческие функции. Монарх и его окружение, а тем более юристы и чиновники приходят во власть с определёнными ценностными установками и идейными ориентирами. Источником же их является конкретное историческое общество. В этом ракурсе очевиден приоритет политического общества в облике и политике власти. Формирующийся «язык власти» оказывается тесно связан с общим культурным фоном; идеологемы служителей короны и людей вне власти обнаруживают определённое единство. Между идеологами монархии и независимыми интеллектуалами, авторами трактатов и «зерцал государей», вёлся прямой диалог, и цель у них была одна – усовершенствование властных институтов. Королевское законодательство, поставленное в контекст политической мысли и запросов общества, отразило воздействие общественного мнения на власть. Политические церемонии и символика также определялись культурным контекстом, объединявшим монарха и подданных. Таким образом, власть оказывается своеобразным зеркалом общества, его политической зрелости, идейных установок и системы ценностей.

³¹ См. подробнее: Бурдьё 2016. С. 99–110.

³² Badie 1990.

Новый режим историчности, органичной частью которого является презентизм, позволяет, в духе призыва М. Блока, не только понять настоящее с помощью прошлого, но и понять прошлое с помощью настоящего. Как пример, современные государственные символы, ритуалы и идеологемы имеют глубокие исторические корни и должны рассматриваться в масштабе долгого времени. Растущая роль гражданского общества в современном мире побуждает изучать формы и стратегии взаимосвязи власти и общества прошедших эпох, что позволяет глубже понять и разумнее решать проблемы сегодняшнего дня в сфере функционирования государства. И в этом смысле презентизм оказывается не только путеводной нитью в лабиринтах истории, но и эффективным методом поиска в прошлом ответов на актуальные запросы современности.

БИБЛИОГРАФИЯ / REFERENCES

- Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. М.: Кучково поле, 2016. 416 с. [Anderson B. Vooobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniia ob istokakh i rasprostranenii natsionalisma. M.: Kuchkovo pole, 2016].
- Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М.: НЛЮ, 2017. 272 с. [Assman A. Raspalas' svyaz vremen? Vzlet i padeniye temporalnogo rezhima Moderna. M.: Novoje literaturnoje obozrenije, 2017. 272 s.]
- Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. М.: Изд-во Московского университета, 1994. 622 с. [Berman G.Dzh. Zapadnaya traditsiya prava: epokha formirovaniya. M.: Izd-vo Moskovskogo universiteta. 1994. 622 s.]
- Бессмертный Ю.Л. Другое Средневековье, другая история средневекового рыцарства (материалы к лекции) // Homo Historicus: К 80-летию со дня рожд. Ю.Л. Бессмертного: в 2-х кн. М.: Наука, 2003. С. 72-99. [Bessmertnyy Yu.L. Drugoye Srednevekovje, drugaya istoriya srednevekovogo rytsarstva (materialy k lektсии) // Homo Historicus: K 80-letiyu so dnya rozhd. Yu.L. Bessmertnogo: v 2-kh kn. M.: Nauka. 2003. S. 72-99].
- Бойцов М.А. Сословно-представительная монархия: ошибка в переводе? // Средние века. Вып. 75 (3-4). М.: Наука, 2014. С. 66-78. [Boytsov M.A. Soslovno-predstavitel'naya monarkhiya: oshibka v perevode? // Srednie veka. Vyp. 75 (3-4). M.: Nauka. 2014. S. 66-78].
- Бурдые П. О государстве: курс лекций в Коллеж де Франс (1989-1992). М.: Изд. дом «Дело», 2016. 720 с. [Burd'e P. O gosudarstve: kurs lektсий v Kollezh de Frans (1989-1992). M.: Izdatelskiy dom «Delo». 2016. 720 s.]
- Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2007. 288 с. [Burd'e P. Sotsiologiya sotsialnogo prostranstva. M.: Institut eksperimentalnoy sotsiologii; Spb.: Aleteya. 2007. 288 s.]
- Вен П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии. М.: Научный мир, 2003. 391 с. [Ven P. Kak pishut istoriyu. Opyt epistemologii. M.: Nauchnyy mir. 2003. 391 s.]
- Двор монарха в средневековой Европе: явление, модель, среда / Под ред. Н.А. Хачатурян. Вып. 1. М.; СПб.: Алетейя, 2001. 352 с. [Dvor monarkha v srednevekovoy Evrope: yavleniye, model, sreda / Pod red. N.A. Khachaturyan. Vyp. 1. M.; Spb.: Aleteya. 2001. 352 s.]
- Каменский А.Б. Просвещение и власть // Всемирная история: в 6 т. Т. 4: Мир в XVIII веке. М.: Наука, 2013. С. 104-132. [Kamenskiy A.B. Prosveshcheniye i vlast' // Vsemirnaya istoriya: v 6 t. T. 4: Mir v XVIII veke. M.: Nauka. 2013. S. 104-132].
- Копосов Н.Е. Как думают историки. М.: НЛЮ, 2001. 326 с. [Koposov N.E. Kak dumajut istoriki. M.: Novoje literaturnoje obozrenije, 2001. 326 s.]
- Копосов Н.Е. Хватит убивать кошек! Критика социальных наук. М.: НЛЮ, 2005. 248 с. [Koposov N.E. Chvatit ubivat' koshek! Kritika sotsial'nych nauk. M.: NLO, 2005. 248 s.]
- Королевский двор в политической культуре средневековой Европы / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2004. 540 с. [Korolevskij dvor v politicheskoy kulture srednevekovoj Evropy. M.: Nauka, 2004. 540 s.]

- Кром М.М. Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и Новейшая история. 2016. № 4. С. 3-15. [Krom M.M. Gosudarstvo rannego Novogo vremeni: obshcheevropejskaja model' i regional'nye razlichija // Novaja I Novejšhaja istorija. 2016. No 4. S. 3-15].
- Малов В.Н. Парламентская Фрonda: Франция, 1643–1653. М.: Наука, 2009. 497 с. [Malov V.N. Parlamentskaja Fronda: Frantsija, 1643-1653. M.: Nauka, 2009. 497 s.]
- Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2000. 328 с. [Le Goff Zh. Drugoje Srednevekovije: Vremya, trud I kultura Zapada. Ekaterinburg: Izdatel'stvo Ural'skogo universiteta, 2000. 328 s.]
- Ле Гофф Ж. Является ли политическая история по-прежнему становым хребтом истории? // Ле Гофф Ж. Средневековый мир воображаемого. М.: Изд. группа «Прогресс», 2001. С. 403-424. [Le Goff Zh. Iavliaetsia li politicheskaja istorija po-prezhnemu stanovym chrebtom istorii? // Le Goff Zh. Srednevekovyi mir voobrazhajemogo. M.: Izdatel'skaia gruppa "Progress", 2001. S. 403-424].
- Про А. Двенадцать уроков по истории. СПб., 2000. 333 с. [Pro A. Dvenadtsat' urokov po istorii. SPb., 2000. 333 s.]
- Священное тело короля: Ритуалы и мифология власти / Отв. ред. Н.А. Хачатурян. М.: Наука, 2006. 484 с. [Sviashchennoje telo korol'ja: Ritualy I mifologija vlasti / Otв. red. N.A. Khachaturyan. M.: Nauka, 2006. 484 s.]
- Словарь основных исторических понятий: избранные статьи. В 2 т. М.: НЛО, 2014. [Slovar' osnovnykh istoricheskikh poniatij: izbrannye stat'i. V 2-ch tomach. M.: NLO, 2014].
- Уваров П.Ю. Франция XVI в.: Опыт реконструкции по нотариальным актам. М.: Наука, 2004. 511 с. [Uvarov P.Iu. Frantsija XVI v.: Opyt rekonstruktsii po notarial'nym aktam. M.: Nauka, 2004. 511 s.]
- Феодализм: понятие и реалии. Материалы круглого стола, Москва, 25 апреля 2005 г. М.: ИВИ РАН, 2008. 278 с. [Feodalizm: poniatija I realii. Materialy kruglogo stola, Moskva, 25 aprelia 2005 g. M.: IVI RAN, 2008. 278 s.]
- Хачатурян Н.А. Власть и общество в Западной Европе в Средние века. М.: Наука, 2008. 313 с. [Khachaturyan N.A. Vlast' I obshchestvo v Zapadnoj Evrope v Srednie veka. M.: Nauka, 2008. 313 s.]
- Хачатурян Н.А. Общественная система и принцип относительности. К вопросу о содержании концепт-явления «феодализм» // Средние века. Вып. 68 (1). М., 2007. С. 6-35. [Khachaturyan N.A. Obshchestvennaja sistema I printsip odnositel'nosti. K voprosu o sodержanii kontsept-iavlenija "feodalizm" // Srednie veka. Vyp. 68 (1). M., 2007. S. 6-35].
- Хачатурян Н.А. Современная медиэвистика России в контексте мировой исторической науки // Средние века. Вып. 62. М., 2001. С. 195-212. [Khachaturyan N.A. Sovremennaja medievistika Rossii v kontekste mirovoj istoricheskoi nauki // Srednie veka. Vyp. 62. M., 2001. S. 195-212].
- Хачатурян Н.А. Сословная монархия во Франции XIII–XV вв. М.: Высшая школа, 1989. 272 с. [Khachaturyan N.A. Soslovnaja monarchija vo Frantsii XIII-XV vv. M.: Vyshaja shkola, 1989. 272 s.]
- Цатурова С.К. Возникновение современного европейского государства: средневековые истоки (опыт французской монархии) // Новая и Новейшая история. 2016. № 6. С. 3-16. [Tsaturova S.K. Voznikovenije sovremennogo evropejskogo gosudarstva: srednevekovye istoki (opyt frantsuskoj monarchii) // Novaja I Novejšhaja istorija. 2016. No 6. S. 3-16].
- Цатурова С.К. Формирование института государственной службы во Франции XIII–XV веков. М. Наука, 2012. 622 с. [Tsaturova S.K. Formirovanije instituta gosudarstvennoj sluzhby vo Frantsii XIII-XV vekov. M.: Nauka, 2012. 622 s.]
- Autrand F., Barthélemy D., Contamine P. L'espace français. Histoire politique du début du Xle à la fin du XVe siècle // L'Histoire médiévale en France. Bilan et perspectives / Éd. par M. Balard. Paris: Seuil, 1991. P. 101-125.
- Badie B. L'État moderne: le point de vue du politologue // L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État. Paris: CHRS, 1990. P. 11-18.
- Chartier R. Au bord de la falaise. L'histoire entre certitude et inquiétude. P.: A. Michel, 1998. 292 p.
- Ducoudray G. Les origines du Parlement de Paris et la justice aux XIIIe et XIVe siècles. P.: Hachette, 1902. 1058 p.

- Dufour A. Le retour de l'histoire politique // Histoires de France, historiens de la France: Actes du colloque international, Reims, 14 et 15 mai 1993 / Publ. par Y-M. Bercé et Ph. Contamine. P.: Hachette, 1994. P. 315-324.
- Gauvard C., Boureau A., Jacob R., Miramon C. Normes, droits, rituels et pouvoir // Les Tendances actuelles de l'histoire du Moyen âge en France et en Allemagne: Actes du colloque de Sèvre (1997) et Göttingen (1998) organisé par le CNRS et le Max-Planck-Institut für Geschichte / Dir. J.-C. Shmitt, O.G. Oexle. P.: Publ. de la Sorbonne, 2002. P. 461-482.
- Genet J.-Ph. La typologie de l'État moderne, le droit, l'espace // L'État moderne: le droit, l'espace et les formes de l'État. P.: CNRS, 1990. P. 7-14.
- Guenée B. L'histoire de l'État en France à la fin du Moyen Âge vue par les historiens français depuis cent ans // Revue historique. 1964. т. 232. N 10-12. P. 331-360.
- Guerreau A. L'avenir d'un passé incertain: Quelle histoire du Moyen âge au XXIe siècle. P.: Seuil, 2001. 342 p.
- Guéry A. Le roi est Dieu. Le roi et Dieu // L'État ou le Roi: les fondations de la modernité monarchique en France, XIVe-XVIIe siècle. Table ronde org. par N. Bulst et R. Descimon à ENS. P.: Édition de la Maison des sciences de l'Homme, 1996, p. 27-47.
- Richet D. De la Réforme à la Révolution. Études sur la France moderne. P.: Aubier, 1991. 584 p.
- Strayer J. Les origines médiévales de l'État moderne. P.: Payot, 1979. 156 p.

Цатурова Сусанна Карленовна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН; tsatourova@mail.ru

On the benefits of presentism or How to study the origins of Modern national State in expectation of his disappearance

The paper discusses the regeneration of the political history in medieval studies, under the influence of anepistemological crisis at the turn of the 20th -21st cc. The urgent need for systemic and interdisciplinary approaches is effectively implemented in the study of the history of forms of power and statecraft. One of the most promising ways to study the origins of the formation the Modern national State in the Middle Ages is presentism. It is justified by the comprehension of the State as a phenomenon of "long duration", and by the interpretation of political history as the basis of civil society and national historical memory. Special attention is drawn to the complex relationship of power and society as a new approach to the study of historical forms of ruling.

Keywords: presentism, nation State, new political history, power and society

Susanna Tsaturova, Dr. Sc. (History), leading research fellow, Institute of World history, Russian Academy of Sciences; tsatourova@mail.ru